

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 82-14

DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-260-274

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ:
РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ****Р.А. КЕРИМОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: K.roza07@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются некоторые аспекты духовного развития карачаево-балкарской словесности Нового времени. Установлена корреляционная зависимость между религиозной сферой и художественной литературой в регионе, отмечается усиление влияния исламских идей на творчество молодого поколения поэтов. Эволюция авторского самосознания в «новой поэзии» ярко иллюстрирует изменения в историко-литературном контексте. Об этом свидетельствуют трансформация религиозного жанра, наблюдающаяся межжанровая диффузия, которая позволила расширить рамки традиционной религиозной тематики. Особый акцент в работе сделан на выявление ключевых концептов в творчестве молодого поколения, а также на исследование поэтики произведений, образов, мотивов, реминисценций, пересекающихся с коранической этикой, приближенной к системе духовных ценностей карачаево-балкарского народа. В результате исследования были раскрыты важнейшие аспекты в развитии художественного сознания современных карачаево-балкарских авторов, обозначены основные тенденции, определена специфика взаимосвязи преемственности и новаторства.

Ключевые слова: поэзия Нового времени; карачаево-балкарская поэзия XXI века; религиозно-дидактический жанр; молитва; концепт.

**KARACHAY-BALKARIAN POETRY OF THE MODERN TIME:
A RELIGIOUS ASPECT****R.A. KERIMOVA**

*The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: K.roza07@mail.ru*

Abstract. The article analyzes some aspects of the spiritual development of the Karachay-Balkarian literature of the New Age. A correlation is established between the religious sphere and fiction in the region, the influence of Islamic ideas on the work of the young generation of poets is growing. The evolution of author's self-awareness in the "new poetry" vividly illustrates the changes in the historical and literary context. This is evidenced by the transformation of the religious genre, the observed intergenre diffusion, which allowed to expand the scope of traditional religious themes. Particular emphasis is placed on identifying key concepts in the work of the young generation, as well as on the study of the poetics of works, images, motifs, reminiscences, intersecting with the Koranic ethics, close to the spiritual value system of the Karachai-Balkar people. As a result of the study, the most important aspects in the development of artistic consciousness of modern Karachai-Balkarian authors were revealed, the main trends were identified, the specificity of the relationship between continuity and innovation was determined.

Keywords: poetry of the modern time; Karachay-Balkar poetry of the XXI century; religious and didactic genre; prayer; concept.

Происходящие изменения в мире, потеря идеологического ориентира в стране, переоценка ценностей, внесли в литературную атмосферу иное восприятие жизни. В силу этого наибольшую значимость обретает проблема осмысления национальной идентичности на уровне глубинных ментальных структур и этнопсихологических особенностей этноса. Согласно авторитетному мнению Ю. Лотмана, «каноническое искусство играет огромную роль в общей истории художественного опыта человечества. И тем более существенно поставить вопрос о необходимости изучать не только его внутреннюю синтагматическую структуру, но и скрытые в нем источники информативности, позволяющие тексту, в котором все, казалось бы, заранее известно, становиться мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры» [Лотман 2002: 315].

В статье используется комплексный подход, комбинирующий элементы сравнительно-типологического, сопоставительно-типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа.

В формировании научной концепции исследования важную роль сыграли воззрения Ю.Лотмана, С. Аверинцева, Ю. Крачковского.

Наиболее значимые исследования в области религиозно-дидактической поэзии (в карачаево-балкарской литературе) второй половины XIX – начала XX века принадлежат Т. Биттировой, Б. Тетуеву, З. Караевой, Х. Малкондуеву, К.-М. Тотуркулову, М. Хабичеву; некоторые аспекты затрагиваются З. Толгуровым, З. Кучуковой, Ф. Урусбиевой; данная проблема рассматривается также, в отдельных работах философов, историков С. Эфендиева, Х. Геграева. Однако следует отметить, что творчество нового поколения авторов конца XX – начала XXI в. еще не подвергалось научному осмыслению.

Установлено, что самосознание карачаево-балкарского народа на разных этапах его развития было подвержено влиянию различных культурных локусов. Согласно рассуждениям Б. Тетуева, распространение мусульманской религии на территории Балкарии и Карачая происходило с Востока (Дагестана), а также с Запада (Крыма и Турции).

Безусловно, принятие ислама повлияло на дальнейшую эволюцию духовной жизни этноса: «Религиозно-дидактическая поэзия XIX-XX века оказала существенное влияние на этническое сознание народа, на аксиологическую систему понятий индивидуальной авторской устной, а затем письменной поэзии. В них в популярной, доступной для народа форме проповедуются идеологические ценности ислама, разъясняются основные его положения, утверждается идеал человека, неукоснительно следующего предписаниям Корана» [Тетуев 2007: 19]. Первостепенной задачей писателей была просветительская миссия: приобщение к религии. Один из родоначальников религиозного жанра в балкарской литературе Даут-Хаджи Шаваев (Абайханов) (1800 – 1892) проповедует «высшую» форму религиозного мирознания: «Все живое и понадприродное принадлежит» Аллаху («*Мусса файгъмабар*», «*Хыйса файгъамбар*», «*Мухаммат файгъамбар*» и др.). Эстетические предпочтения Д.-Х. Шаваева повлияли на раннюю лирику К. Мечиева (1859-1945). «Вера в то, что религия способна спасти человека от безнравственности, вернуть человеческие отношения самому человеку, наложили отпечаток на раннюю лирику К. Мечиева». Произведения, созданные в этот период (датированные до 1900 года), отличаются критическим пафосом, а именно обличением человеческих пороков, таких как трусость, алчность, высокомерие. Поэт искренне верил в то, что «тот, кто молится, не совершит зла» [Толгуров 1984: 90]. Просветители опирались на свод нравственных законов Корана, в их произведениях развивается исламская философия «временности этого мира».

Послереволюционная идеологическая переориентация в стране внесла в общественное сознание народа новые ценности и морально-нравственные поведенческие установки. Эти факторы повлияли на дальнейшее развитие художественной культуры. В данный период наблюдается тенденция отдаления национальной литературы от общего пространства «восточной» и традиционной кавказской художественной словесности в пользу западноевропейской школы.

Известно, что в советский период жанры религиозной лирики были исключены из литературы, и соцреализм стал основным, можно сказать, единственным творческим методом. Данный феномен оказал пагубное влияние не только на культуры народов, но и на внутреннее бытие каждой личности, а именно: ее разрушительное воздействие заключалось в собственно «псевдорелигиозной природе» (М.М. Дунаев).

Ввиду этого в 20-30 годах авторская поэзия выполняла сугубо утилитарную роль политической агитки. Образность и эстетика произведений были ограничены требованиями политического, классового заказа и не имели этнической специфики на всем пространстве огромной страны [Керимова 2016: 7].

«В соцреализме преобладает, царит исторический оптимизм. Если писатель достаточно талантлив, он может позволить себе даже изображение трагических обстоятельств, но он обязан выразить веру в конечное торжество идеалов социальной справедливости. Пусть изображается трагедия, но –

оптимистическая» [Дунаев 2003: 45]. Что и наблюдалось в творчестве многих классиков – К. Кулиева, А. Кешокова, Р. Гамзатова, и др. Однако некоторые исследователи ошибочно принимают данный феномен в текстах за проявление сугубо религиозной философии. Безусловно, в творчестве многих писателей после определенного жизненного пути, особенно в условиях трагических обстоятельств, происходит некий пересмотр своих убеждений, переоценка ценностей, которые повлияли на их мировоззрение. Произошедшие трагические события в жизни многих народов (в частности депортация), подвергли сомнениям социалистические идеи гуманизма в художественном сознании. Так, уже в позднем творчестве К. Кулиева появляются стихотворения, приближенные к религиозному жанру, но, как было отмечено ранее, это не проявление религиозного мировоззрения, а лишь отдаление от коммунистической идеологии. Поэтому рассуждать о «религиозности» К. Кулиева достаточно сложно. И этот тезис имеет под собой твердую почву, но решение данной проблемы не входит в круг задач, обозначенных автором. Также стоит отметить, что в лирике последних лет Р. Гамзатова (одного из ярких представителей «атеистической эпохи») появляются религиозные мотивы с таким характерным для многих художников XX столетия качеством, как религиозная толерантность. Религиозная философия в их понимании проявлялась в постижении духовного и физического начал, им чужды «узкоконфессиональные понятия о мудрости и превосходстве одной религии над другой. Было бы справедливым вести речи о своеобразном всечеловеческом экуменизме Р. Гамзатова в том смысле, что он хотел бы видеть на планете единого бога без разделения на религии и установление всеобщего братства» [Гамидова, Акавов 2008: 83].

Таким образом, приблизительно с середины XX века национальная поэзия начинает отдаляться от соцреалистической школы, развиваясь в сторону собственной этнической идентификации. Однако в вопросах догматического характера, в отношении соблюдения канонов ислама все также сохранялись некоторые ограничения. В творчестве писателей советского периода (М. Мокаев, А. Созаев, Б. Гуртуев, Т. Зумакулова, А. Байзулаев и др.) сакральное в Боге проявляется не в его возвышении, уходе от земной жизни, а в причастности его к человеческой судьбе. В таком контексте Бог оказывается максимально приземленным, вписанным в ментальное культурное пространство этноса [Тетуев 2007: 279; Тетуев 2008].

В годы перестройки на Северном Кавказе наступает исламский ренессанс. Это в большей степени связано с появлением возможности выезда в зарубежные страны с целью обучения в религиозных институтах.

В данный период обозначились новые цели и тенденции в литературе региона. Осмысление проблем духовного развития человека посредством канонических концептов «*грех*», «*покорность*», «*судьба*», «*рок*», «*терпение*» подтверждает актуализацию религиозно-дидактического жанра в карачаево-балкарской поэзии Нового времени.

Молодые авторы, бесспорно, чутки к традициям предшественников, но современная поэзия представляет собой новое художественное решение:

субъективное преломление интерпретаций ислама, свободных от культурных установок этноса, первоначально опирающихся на нравственные заповеди Корана (именно на служение человека Богу). Монотеистический принцип построения картины мира лежит в основе не только текстов религиозного содержания, но и произведений различной тематики. Таким образом, происходит расширение рамок традиционной религиозной поэзии, образуя так называемую межжанровую диффузию, которая в свою очередь дополняет традиционное ядро жанровой конструкции другими разновидностями лирического стиха. Наиболее ярко данная тенденция проявляется в любовной, патриотической, философской лирике (Д. Рахаева «*Минг кере шукур Аллахыма!*» (*Тысячу раз благодарю Аллаха!*), А. Газаева «*Аллах шагъат!...*» (*Аллах свидетель!*) (*Подстрочные переводы здесь и далее наши – Р.К.*).

Религиозные мотивы часто встречаются в стихотворениях, посвященных топосу малой Родины и проблемам национального характера (Д. Рахаева «*Жаннет жери*» (*Райское место*), Н. Байрамкулов «*Джашау джолда*» (*Дорога жизни*), Л. Ахматова «*Сангырау кёкде жюзеди...*» (*В глухом небе плывет...*), И. Байтуганов «*Неге керекди ол бизге?*» (*Для чего нам это надо?*), А. Баккуев «*Ата Журтум*» (*Родина*), «*Тансыкълыкъ*» (*Тоска*).

Для нового поколения поэтов одновременно важны как вопросы вероисповедания, так и «верность народным обычаям». Возрождение этноконфессионального сознания демонстрируют в своих произведениях: Ш. Богатырева «*Аллах с нами*», «*Востоку*», Н. Байрамкулов «*Джашау*» (*Жизнь*), И. Байтуганов «*Насийхатым*» (*Наставление*), А. Баккуев «*Къайтырса*» (*Вернешься*), «*Жаз башы келди...*» (*Весна пришла...*) [Керимова 2018: 179].

Молодые художники озабочены насущными проблемами своей нации. Молитвенная лирика характеризуется просьбой к Богу о сохранении и процветании народа: // *Айны, жулдузну кёреме, / Табынама Аллахха: Акъ тауум ючюн ёлеме, / Сакъла аны палахдан!* // [Ахматова 2013: 29] (*Вижу я луну, звезду, / Поклоняюсь Аллаху: «Умираю» за белоснежную гору, / Храни ее от бед*). Взаимоотношения между человеком и Богом в поэтической картине мира Л. Ахматовой осуществляются путем прямого обращения к Высшей силе посредством молитвы. Героиня Л. Ахматовой в молитве ищет спасения от всех жизненных невзгод. Религия, вера, молитва сплетаются с чувствами любви и томления: «*Кёзле къарайла кёкге, Кёкден а тюшеди къар... Эки суйген жюрекге Насып берирми къадар?...*» (Глаза смотрят в небо, А с неба падает снег... Позволит ли судьба обрести счастье двум влюбленным?...) [Ахматова 2013: 75]. Концепт *къадар* (судьба) стоит рассматривать как один из основных понятий художественно-философской парадигмы Л. Ахматовой в аспекте ее религиозных представлений. Однако этимология данного концепта восходит к различным категориям бытия. Концепт *судьба* присутствует не только во всех мифологических, религиозных, философских и этических системах, но также входит в ядро национального сознания карачаево-балкарского народа. Концепты *къадар/жазыу* (судьба/предписанное) в тексте Л. Ахматовой эксплицируют как предопределённость свыше, вера в абсолютное

божественное начало, основа душевного равновесия, покорности, кроткого отношения к жизненным ситуациям. Несбывшиеся надежды героиня Л.Ахматовой также связывает с *судьбой, с божьим промыслом, со злым роком*:

Кёзлерим а нек толады?
Мадар жокъду къадаргъа...
Гёбелек да ёч болады
Кесин отха атаргъа...[Ахматова 2013: 45].

Почему глаза наполнились слезами?
Ведь судьбу не изменить...
Если суждено, то и мотылек стремится
Броситься в огонь...

В религиозной лирике Л. Ахматовой часто встречаются лексемы/символы, восходящие к кораническим преданиям: *къадар (судьба), мадар (возможность, случай), Аллах (Бог), тилек (молитва)*, а также близкие по смыслу понятия: *насып/насыпсыз (счастье, несчастливый), умут (надежда), тёзюм (терпение)*. Также часто встречаются мотивы смерти родственников, чувств (любви), «умирания» в природной среде и т.д. Интуитивное восприятие мира подсознательно формирует чувство неизбежности у героини, смиренности, покорности перед бедами. Пессимистическое мироощущение словно подготавливает ее к негативной развязке. ««Не заботьтесь» – потому, что вы должны заботиться о другом, но еще и потому, что о вас позаботятся. «Не заботясь», верующий отнюдь не выходит в пустые просторы беззаботности; он, напротив, входит в строгий затвор заботы о боге, но также и в укромный приют заботы бога. ...Именно освобождая от заботы человека, через свою беспомощность человек входит в эту помощь» [Аверинцев 1981: 56]. Связывая две номинации Судьба – Бог, поэтесса представляет именно восточное (мусульманское) сознание данного концепта, согласно рассуждениям М. Пиотровского: «Отличие воли Аллаха от слепой и недоброй судьбы (дахр, мәнййа), которую он заменил в душах и умах людей» [Пиотровский 1994: 95]. Героиня Ахматовой предполагает связь между испытаниями/терпением и нравственным очищением. Подобные интенции близки традиционной суфийской лирике.

Наметившиеся в новейшей карачаево-балкарской словесности XXI века тенденции религиозно-дидактического жанра широко представлены в поэзии Ш. Аппаева. Основная мысль его произведений сосредоточена одновременно на актуализации духовно-нравственных ценностей, принятых в исламском мире, а также на искоренении внедряющихся в национальное самосознание западных идеологий. В силу основной профессии, которая связана с медициной, у него много произведений, посвященных здоровому образу жизни: «*Ауруладан къутулуу*» (*Избавление от болезней*), «*Тютюн ичгенлеге*» (*Курильщикам*), «*Дарманла*» (*Лекарства*), «*Хирург*», «*Бир врач къызы*

юсюнден» (О девушке-враче). Наиболее показательным примером в данном аспекте является стихотворение «Аракъы бла ушакъ» (Беседа с водкой):

Эй, аракъы, къайдан чыкъдынг?
Кёп адамны урдунг, жыкъдынг.
Кёп адамны жарлы этдинг:
Тар къабыргъа жол юйретдинг [Тейри къылыч 2011: 71].

Эй, водка, откуда ты взялась?
Многих ты сломила, одолела.
Многих сделала несчастными,
Показав дорогу в тесную могилу.

Острое восприятие человеческих грехов вызвано переживаниями поэта по поводу отдаления мусульман от истин, прописанных в Коране, которые в его представлении воплощают в себе «высшую нравственную справедливость». Своим творчеством молодой автор демонстрирует не только личное мировоззрение, но и своеобразный рациональный протест против «заблудшего разума». Охватывая основные человеческие грехи, поэт убедительно доказывает их деструктивное влияние не только на нравственное поведение, но на физическое здоровье общества. Ш. Аппаев проповедует основные критерии морально-этической концептосферы горца, родственные с кораническим этикетом. Доброжелательность, порядочность, честность, преданность, скромность, уважительное отношение к старшим – основные аспекты нравственности в его произведениях. Лирика всегда содержит религиозный подтекст, иногда образы претерпевают метафорическую трансформацию, что в конечном итоге придает им сакральный смысл.

В своем творчестве Ш. Аппаев стремится охватить наиболее актуальные проблемы человечества. Используя прием персонификации, он наделяет вещный мир сознанием – так он ведет «искренний диалог» с алкоголем:

Жаны, саны таза болгъан,
Аманлыкъдан артха тургъан,
Тилин таза эталгъан,
Гюнахладан кеталгъан,
Халал ашла ашагъан,
Шуёхлукъда жашагъан.
Илмуланы кёп билирге кюрешген,
Адамлагъа ариу, ахшы сёлешген.

Быллайлагъа тыялмайма,
Акбылларын алалмайма,
Саулукъларын бузалмайма,
Хорларма деп айталмайма [Тейри къылыч 2011: 72].

Кто держит сердце, тело в чистоте,
Кто держится подальше от греха,
Кто смог очистить речь свою от лжи,
Кто ест дозволенную пищу,
Мирлюбив,
И к знаниям стремится,
С людьми по-доброму беседует всегда.

На таких воздействовать мне сложно,
Разум их не подчинится мне,
Здоровье их испортить невозможно,
Таких людей навряд ли одолею я.

К одной из важнейших особенностей новейшей поэзии можно отнести ее интертекстуальность. Так, вышеупомянутое произведение Ш. Аппаева является прототекстом одного из стихотворений Д.-Х. Шаваева:

Дерт тутмайын, халал кыйын ашасанг,
Ётюрюкден кери болуп жашасанг.
Бир адамны осал ишден тыялсанг,
Жангылгъаннга: «Терссе, сен!» – деп, айталсанг.

Тилинг сени ариу болса адамгъа,
Сёз жюрютмей, тил этмейин хоншуда.
Ыразы этсенг, ананг бла атангы,
Аллах кечер сени этген хатангы [Шаваев (Абайханов) 2007: 100].

Если не таишь в душе злобу,
живешь на то, что заработал честным трудом,
Держишься подальше от обмана.
Можешь предостеречь кого-то от плохих поступков,
Неправому ответишь: «Ты не прав!».

Если речь твоя «красна» при общении,
Не занимаешься сплетнями по соседству.
Если тобой довольны мать и отец,
Аллах простит твои грехи.

Известно, что произведения религиозно-дидактического жанра, датированные XIX – началом XX века, характеризовались определенными функциями, которые содержали в себе дидактический и информативные послы, «разъяснения, сочетающиеся с эмоциональными призывами следовать морально-этическим нормам ислама» (Б.И. Тетуев). Эти же задачи ставят молодые авторы в своих текстах. Назидательный смысл в конце стихотворения Ш. Аппаева усиливается авторским обращением: //Эй, аланла, аракъы бла

сёлешидим, Бу ушакъны назму этип кюрешидим. Ангылагъыз ичги аман болгъанын, Саулукъну да, жашауну да алгъанын!// [Тейри кылыч 2011: 72] (Эй, аланы, я говорил сегодня с водкой, Эту беседу передаю через стихи. Поймите, что алкоголь не принесет добра вам, Он заберет и здоровье, и вашу жизнь).

Как и многих молодых авторов, Ш. Аппаева волнует проблема этнической идентификации в эпоху культурной глобализации. Это своего рода стремление заполнить духовный вакуум, образовавшийся в связи с деидеологизацией и пересмотром ценностных приоритетов, а также одно из проявлений защитной реакции, которая, по мнению ученого Ю. Шрейдера, свидетельствует о наступлении мирового кризиса [Шрейдер 1997].

Свое отношение к формирующимся сомнительным принципам и нормам поведения Ш. Аппаев высказывает в стихотворении «Шёндюгю кызыла» (Современные девушки):

*Тютюн ичиу а жайылып барад
Бу жаш тёлюнү ичинде.
Шёндюгю кызыла хорлай туралла
Жашланы тютюн ичиуде [Тейри кылыч 2011: 74].*

Все больше курение распространяется
Среди молодежи.
Современные девушки превзошли в этом парней.

Поэт чувствует потребность в создании дидактических произведений. Исследователь И.В. Компанеева в своей работе рассуждает о назидательной стратегии оценивания: «Стратегия оценивания используется говорящим для выражения собственного мнения по поводу того или иного явления или поступка. В речи рассказчика или персонажей-носителей авторских идей подобные высказывания играют значительную роль. Они критически оценивают происходящее и при этом, напрямую не склоняя читателя к совершению правильных поступков, закладывают в его сознание представления о том, что хорошо, а что плохо» [Компанеева 2016: 104]. Автор придерживается данной стратегии, при этом внимание читателя обращено к определенному послы со стороны поэта, который свое «неприятие» выражает в тексте жёсткими высказываниями в сочетании с элементами насмешки, а также неожиданными сравнениями: «*ат жортхан кибик*» (будто скачет лошадь), «*уялмайла*» (бесстыжие), «*мискинле*» (несчастные) и т.д. Он создает собирательный образ современной горянки, которая под влиянием времени утратила свой колорит, отдалившись от традиционных понятий и духовно-нравственных ценностей своего народа. Скромность и естественная красота, по словам поэта, давно сменились новомодными тенденциями, навеянными западной культурой. Многие ученые определяют западноевропейскую идеологию как «ценности потребительского общества», в частности, арабский писатель А. Хаз-Нидаар считает, что такие ценности ведут к унификации

личности [أند يدار كاز: 1999: 26]. Сюжетообразующим в тексте является проблема сохранения культурного своеобразия. Правила, установленные исламским этикетом в отношении поведения женщин, нарушены. Красота на показ – табу, которого мусульманки строго придерживались, не актуально в современном обществе.

Процессы дегуманизации и десакрализации культуры обусловили обращение молодых авторов к проблеме морально-этических норм в обществе. Сформировавшись в русле религиозного мировоззрения, концепт «грех» стал ключевым в рассмотрении религиозно-философских и духовно-этических аспектов современной карачаево-балкарской словесности. Как отмечает И.С. Брилева, через данный концепт прослеживается взаимосвязь Бог – человек – окружающий мир [Брилева 2001: 123]. Кораническая концепция «душевных» пороков пронизывает всю идейно-тематическую ткань произведений А. Газаевой. Понятие греха тесно связано с номинацией вины перед Богом.

Жылыу керекди,
жарыкълыкълыкъ.
Ала бир аздыла.
Кюеме.
Кирден къутулургъа сюеме:
Къайда,
къайдады тазалыкъ?
Намыс да,
сый да бошду дейбиз,
Байракъ этип
аманлыкълны,
сатдыкъ,
атдыкъ тазалыкълны.
Кимден,
неден да не излейбиз?
Кирликбиз ахырда
жерге.

Аллах сюерми кечерге?...[Газаева 2015: 26].

Нуждаемся мы в теплоте
и радости.
Как мало в жизни этого.
Горю я.
От грязи очиститься хочу:
Где,
Где эта чистота?
И нравственность (порядочность)
и честь ничего не значат нынче,
под флагом подлости и зла

продали, растоптали их.
 От кого и что мы ждем теперь?
 В итоге все мы будем под землей.
 Но простит ли нас Аллах?...

Лирический субъект А. Газаевой, испытывая чувство вины, стремится освободиться от него. Поэта беспокоит проблема десакрализации понятия греха. Десакрализованное представление греха в современном обществе – это «простительная человеческая слабость». Однако данное понятие в лирике А. Газаевой создается под суггестивным воздействием исламской философии в следующей трактовке: «неповиновение», которое может быть либо прощено Богом в силу его безграничной доброты, либо наказано по справедливости [Али-заде 2007]. Как и все молодые авторы, А. Газаева выступает против внедрения западноевропейских идеологий в культуру своего этноса. Поэтому проблема духовного совершенствования личности является одной из ключевых в ее лирике. Вместе с тем, прямое использование слова *гюнах* (*грех*) в тексте встречается редко, в основном поэтесса ссылается на общие, так называемые концептуальные области данного понятия, значительно расширив рамки «*греха*», охватывая номинации «*вина*», «*беда*», «*порок*», «*обман*», «*ложь*», «*недостатки*», «*слабости*», которым противопоставляет «*красоту сердца*», «*внутреннюю чистоту*».

Ийнан да сёзюме
 Къарангыда
 кёрюрсе
 жарыкъны.
 Кёрюрсе тазалыкъ
 харамлыкъда да.
 Ол тазалыкъ –
 Нюрюдю жанынгы [Газаева 2015: 51].

Когда поверишь моим словам,
 Увидишь свет во тьме...
 Найдешь хорошее в плохом.
 Это доброта –
 Свет твоей души.

По мнению автора, духовное возрождение человека начинается с очищения сердца, воспитания воли и контроля над своими помыслами. Ведь сердце в исламе является главным духовным органом, который Всевышний сделал местом познания, ощущения и прозрения. Данные рассуждения восходят к коранической антропологии о представлении человеческой души/сердца. Корановед и хадисовед Ибн ал-Каййим ал-Джаузийа (1292-1350), обсуждая заговор «Фатихой» (первой сурой Корана), употребляет оборот «очищение души (*tazkiyat an-nafs*) и исправление сердца (*islah al-qalb*)»

[Костылев 2015: 55]. Анализ текстового пространства А. Газаевой позволяет классифицировать ее творчество в рамках религиозно-дидактического жанра, близкое к форме «мужанат». Поэт стремится к созданию текста на основании постулатов ислама, но для нее значима и назидательная функция («убеждение, обращение к человеческой душе» – Б.И.Тетуев).

Заключение

Таким образом, постулаты ислама и этническая самоидентификация играют важнейшую роль в развитии карачаево-балкарской духовной словесности XXI века. Религиозные мотивы, восходящие к кораническим преданиям, проецируют в национальную поэзию специфические формы художественного самовыражения. Образуется своеобразная жанровая система, корректирующая тематику и образность отображения эстетического.

Безусловно, можно утверждать о существенных различиях в развитии религиозного аспекта (самой этико-религиозной доктрины) в карачаево-балкарской литературе на разных этапах. Как было отмечено, в советский период социальная проблематика вытеснила религиозный аспект в тексте. В современной поэзии молодые авторы при осмыслении религиозных тем опираются на эстетические предпочтения Д.-Х. Шаваева и К. Мечиева, наполняя новыми смыслами традиционные мотивы и образы, что подтверждает тезис Ю. Лотмана об «открытости духовного портала культуры для осмысления каждым поколением» [Лотман 1978: 14].

Важно отметить, что в новейшей поэзии не содержатся прямые отсылки к Корану, но частое использование понятий, характерных для мусульманского вероисповедания, доказывает знание авторами исламской догматики (*Аллах, жаннет (рай), къыбла (кибла), дуа (молитва), иман (вера), къадар (судьба), тилек (молитва/просьба), мёлек (ангел)*).

Авторы заявляют о своей неудовлетворенности земной жизнью, воспринимая ее как испытание, посланное Богом. Поэты заостряют свое внимание на понятиях «греховный», «порочный» мир для того, чтобы возродить религиозное мирознание в народе и актуализировать морально-этические нормы, предписанные мусульманам.

Авторские стратегии новейшей поэзии, как установлено, устойчиво сконцентрированы на сохранении национальной идентичности. Усиление внимания к этнически маркированным текстовым смыслам в определённой степени связано с эпохой глобальных переустройств, вызывающих ответную реакцию – стремление отстоять внутренние, базовые составляющие того или иного этноса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1981 – *Аверинцев С.С.* Религия и литература. – М: Эрмитаж, 1981. – 141 с.
Али-заде 2007 – *Али-заде А.А.* Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.
Ахматова 2013 – *Ахматова Л.Ч.* Тилек (Молитва). Стихи. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 152 с.

- Брилева 2001 – *Брилева И.С.* Представления о грехе в народной традиции // Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 123-129.
- Газаева 2015 – *Газаева А.Х.* Барама кёпюрге (Иду к мосту). Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 136 с.
- Гамидова, Акавов 2008 – *Гамидова Г.Р., Акавов З.Н.* Религиозные мотивы в лирике Расула Гамзатова последних лет // Известия ДГПУ: Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – С. 83-86.
- Дунаев 2003 – *Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. – М.: Престиж, 2003. – 176 с.
- Керимова 2016 – *Керимова Р.А.* Индивидуальные особенности поэтического стиля К. Кулиева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. – 142 с.
- Керимова 2018 – *Керимова Р.А.* Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI века: тенденции и особенности // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – №4. – С. 170-181. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-170-181>
- Компанеева 2016 – *Компанеева И.В.* Имплицитные средства назидательности (на материале средневерхненемецких назидательных произведений XIII в.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2016. – № 4 (58). – С. 103-105.
- Костылев 2015 – *Костылев П.Н.* Кораническая антропология: на примере концепта «ГРУДЬ» (SADR) // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. – 2015. – № 2 (58). – С. 55-72.
- Лотман 1978 – *Лотман Ю.М.* Феномен культуры: Труды по знаковым системам. – Тарту: ТГУ, 1978. – 195 с.
- Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект. Серия: Мир искусств, 2002. – 544 с.
- Пиотровский 1994 – *Пиотровский М.Б.* Ислам и судьба. В книге: Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 92-97.
- Тейри кылыч (Радуга). Сборник произведений молодых балкарских авторов: Стихи, рассказы, сказки / Сост. Б.А. Глашев, М.М. Ольмезов. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 144 с.
- Тетуев 2007 – *Тетуев Б.И.* Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 340 с.
- Тетуев 2008 – *Тетуев Б.И.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис индивидуального сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 117-123.
- Толгуров 1984 – *Толгуров З.Х.* Движение балкарской поэзии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 252 с.
- Шаваев (Абайханов) 2007 – *Шаваев (Абайханов) Д.-Х.* Дуния сагышла (Раздумья о жизни). Поэмы. Зикиры. Стихи. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2007 – 182 с.
- Шрейдер 1997 – *Шрейдер Ю.А.* Закон Лотмана в культурологии // Информационное общество: культурологические проблемы. Материалы международной научной конференции (Краснодар 17-19 сентября, 1997) / Отв. ред. И.И. Горлова. – Краснодар: КГАКИ, 1997. – С. 29-30.
- الحيوانات تصبح أن لا تجنب به إلا قيامه بما أن يدار كاز. أن يدار كاز – 1999 أذ يدار كاز
 (Хаз-Нидаз А. Что делать, чтобы не превратиться в потребляющих животных. – Эр-Рияд: SAUDI PRINT, 1999. – 247 с.)

REFERENCES

- AKHMATOVA L.Ch. *Tilek. Stikhi* [Prayer. Poems]. – Nalchik: El'brus, 2013. – 152 p. (In Balkar)
- ALI-ZADE A. A. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Islamic Encyclopedic Dictionary]. – Moscow: Ansar, 2007. – 400 p. (in Russian)
- AVERINTSEV S.S. *Religiya i literatura* [Religion and literature]. – Moscow: Ermitazh, 1981. – 141 p. (In Russian)

BRILEVA I.S. *Predstavleniya o grekhe v narodnoy traditsii* [Representations of sin in the folk tradition]. IN: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya. Sbornik statei. Otv. red. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov* [Language, consciousness, communication. Collection of articles. Ed. by V.V. Krasnykh, A.I. Izotov]. – Moscow: MAKS Press, 2001. – Iss. 19. – P. 123-129. (In Russian)

DUNAYEV M. M. *Vera v gornile somneniy: Pravoslaviye i russkaya literatura v XVII-XX vekah* [Faith in the furnace of doubt: Orthodoxy and Russian literature in the XVII-XX centuries]. – Moscow: Prestizh, 2003. – 176 p. (In Russian)

GAMIDOVA G.R., AKAVOV Z.N. *Religioznyye motivy v lirike Rasula Gamzatova poslednikh let* [Religious motives in the lyrics of Rasul Gamzatov of recent years]. IN: *Izvestiya DGPU: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki*. – 2008. – No. 3. – P. 83-86. (In Russian)

GAZAYEVA A. Kh. *Barama kopyurge. Stihi* [I'm going to the bridge. Poems]. – Nalchik: El'brus, 2015. – 136 p. (In Balkar)

KERIMOVA R.A. *Individual'nyye osobennosti poeticheskogo stilya K. Kuliyeva* [Individual features of the poetic style of K. Kuliev]. – Nalchik: KBNTs RAN, 2016. – 142 p. (In Russian)

KERIMOVA R.A. *Karachayevo-balkarskaya poeziya kontsa XX – nachala XXI veka: tendentsii i osobennosti* [Karachaevo-Balkarian poetry of the late XX – early XXI century: trends and features]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2018. – No. 4. – P. 170-181. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-170-181> (In Russian)

KOMPANEEVA I.V. *Implitsitnyye sredstva nazidatel'nosti (na materiale sredneverkhnenemetskikh nazidatel'nykh proizvedenii XIII v.)* [Implicit edification tools (based on the material of Middle High German edifying works of the 13th century)]. IN: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – No. 4 (58). – P. 103-105. (In Russian)

KOSTYLEV P.N. *Koranicheskaya antropologiya: na primere kontsepta «GRUD'» (SADR)* [Quranic anthropology: the example of the concept of «BREAST» (SADR)]. IN: *Bulletin of PSTGU I: Vestnik PSTGU I: Bogosloviye. Filosofiya*. – 2015. – No. 2 (58). – P. 55-72. (In Russian)

LOTMAN Yu.M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. – St. Petersburg: Akademicheskiiy proyekt. Seriya: Mir iskusstv, 2002. – 544 p. (In Russian)

LOTMAN Yu.M. *Fenomen kul'tury: Trudy po znakovym sistemam* [The phenomenon of culture: Works on sign systems]. – Tartu: TGU, 1978. – 195 p. (In Russian)

PIOTROVSKY M.B. *Islam i sud'ba* [Islam and the fate of]. IN: *Ponyatiye sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. – Moscow: Nauka, 1994. – P. 92-97. (In Russian)

SCHREIDER Yu.A. *Zakon Lotmana v kul'turologii* [Law of Lotman in Cultural Studies]. IN: *Informatsionnoye obshchestvo: kul'turologicheskiye aspekty i problemy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Krasnodar 17-19 sentyabrya, 1997) / Otv. red. I.I. Gorlova* [Information society: cultural problems. Proceedings off the international scientific conference (Krasnodar September 17-19, 1997). Ed. by I.I. Gorlova]. – Krasnodar: KGAKI, 1997. – P. 29-30. (In Russian)

SHAVAYEV (ABAYKHANOV) D.-Kh. *Duniya sagyshla (Razdum'ya o zhizni). Poemy. Zikiry. Stikhi* [Thoughts on life. Poems. Zikir. Poetry]. – Nalchik: KBNTS RAN, 2007. – 182 p. (In Balkar)

TETUEV B.I. *Karachayevo-balkarskaya avtorskaya poeziya vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Karachay-Balkar author's poetry of the second half of the XIX – early XX centuries]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 340 p. (In Russian)

TETUEV B.I. *Karachayevo-balkarskaya poeziya: genezis individual'nogo soznaniya* [Karachay-Balkarian poetry: the genesis of individual consciousness]. IN: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. – 2008. – No. 66. – P. 117-123. (In Russian)

Teyri kylych (Raduga). Sbornik proizvedeniy molodykh balkarskikh avtorov: Stikhi, rasskazy, skazki. Sostavitel B.A. Glashev, M.M. Ol'mezy [Rainbow: Collection of works by young

Balkarian authors: Poems, short stories, fairy tales. Compiled by B.A. Glashev, M.M. Olmezov]. – Nalchik: El'brus, 2011. – 144 p. (In Balkar)

TOLGUROV Z.Kh. *Dvizheniye balkarskoy poezii* [The movement of Balkar poetry]. – Nalchik: El'brus, 1984. – 252 p. (In Russian)

المسد تهلكة الحيوانات تصدح أن ل تجنب به ال قيام ي جب ما. أن ن يدار كاز [KHAZ-NIDAR A. What to do to avoid becoming consuming animals]. – Riyadh: SAUDI PRINT, 1999. – 247 p. (In Arabic)